

Кальвинъ.

(1509—1909)¹⁾.

Предки Кальвина. Семейное воспитаніе. Пребываніе въ семьѣ Мамморъ. Коллегіи Марше и Монтегю. Юридическія школы—Орлеанъ и Буржъ. Прилежаніе и способности Кальвина, дружескій кружокъ, отношеніе Кальвина къ духовно-культурному движенію во Франціи. Пребываніе К. въ Парижѣ. Первая печатная работа К. „Комментарій“, мотивы, вызвавшіе ея появленіе. *Обращеніе Кальвина*. Положеніе вопроса въ наукѣ. Самосвидѣтельства Кальвина, ихъ прямой смыслъ и недостаточность; попытки восполнить самосвидѣтельства и согласованіе результатовъ этихъ попытокъ съ основнымъ характеромъ показаній К. Вопросъ объ окончательной датѣ обращенія К. къ протестантизму. *Скитанія Кальвина, съ конца 1533 г.*

Въ настоящемъ, 1909 г., исполнилось 400 лѣтъ со дня рожденія Іоанна Кальвина, извѣстнаго выразителя и завершителя—одного изъ типовъ протестантизма-реформаторства. Имя Кальвина принадлежитъ къ числу великихъ именъ религіозныхъ дѣятелей XVI столѣтія и можетъ быть прославлено не только на ряду съ именами Лютера и Цвингли, но даже и выше ихъ, если принять во вниманіе, съ одной

¹⁾ Книги, бывшія у насъ подъ руками: *Calvinus Joan*, Opera omnia. Amstelodami 1667—1671, т. I, IV, VIII (нѣкоторыя справки). *Kampfschulte F.* Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Erst. B. Leipzig, 1869, Zw. B. 1899. *Stähelin R.* Calvin (Realencyklopädie, Dritt. B. 1897) *Cornelius C.* Zur Ge-

стороны, стройность и законченность системы реформатства, а съ другой значительное количество послѣдователей реформатскаго исповѣданія, по своей численности превосходящее исповѣдниковъ лютеранства и цвинглианства, взятыхъ въ отдѣльности. Созданіе такого жизненнаго типа протестантизма (реформатства), какъ это несомнѣнно слѣдуетъ изъ историческаго изученія реформаціонныхъ теченій XVI в., обуславливалось двумя факторами: во первыхъ болѣе позднимъ выступленіемъ Кальвина на реформаціонное поприще сравнительно съ Лютеромъ и Цвингли, которыми была уже достаточно воздѣлана почва протестантизма, а съ другой выдающимися, очень рельефными, по своей природѣ, дарованіями Кальвина.

schichte Calvins (Historische Arbeiten vornehmlich zur Reformationszeit). Leipzig. 1899. *Bossert*. Johan Calvin. Deutsche Ausgabe. Giezen 1908. *G. Sodeur*, Johan Calvin. Aus Natur und Geisteswelt. Leipzig. 1909. *Diener-Wyss*, Calvin, ein aktengetreues Lebensbild. Neue, um einen Nachtrag vermehrte Ausgabe zum 400 jahren Gebursttag des Reformators den 10 Juli 1909 г. Zürich. *Paulsen P.* Johannes Calvin. Ein Lebens—und Zeitbild aus dem Reformationsjahrhundert. Stuttgart. 1909. *Lang A.* Johannes Calvin. Ein Lebensbild zu seinem 400 Geburtstag. Leipzig. 1909. *Walker W.* John Calvin the organiser of reformed Protestantism, New-York and London 1909 *Heidemüller*, Johann Calvin, Ein Lebensbild. Wittenberg, 1909. *Schweizer A.* Die protestantischen Centraldogmen. Erst. H. Zürich 1854 *Seeberg R.* Lehrbuch der Dogmengeschichte. Zw. H. Leipzig, 1898. *С. Назаревскій*, Иоаннъ Кальвинъ—реформаторъ XVI в. Правосл. Обзоръ 1878—79 г. *Прозоровская*, I. Кальвинъ, его жизнь и реформаторская дѣятельность (библ. Павленкова). Спб. 1899. Проф. *Виннеръ P.* Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху Кальвинизма. Москва, 1894 г. Проф. *Бяляевъ*, Кальвинъ и Кальвинизмъ. Пр. Бог. Энцикл. т. VIII, стр. 144.

Кальвинъ родился 10-го іюля 1509 г. въ епископскомъ городѣ Нойонѣ, находящемся на сѣверѣ Франціи—въ Пикардіи. Предки Кальвина по отцу принадлежали къ простому, трудящемуся классу; многіе изъ нихъ извѣстны, какъ опытные лодманы и гребцы, жившіе въ деревушкѣ Pont-l'Évêque, недалеко отъ Нойона; здѣсь же и дѣдъ Кальвина, по профессіи бондарь, имѣлъ свой домъ. Жераръ Ковенъ (Cauven)¹⁾, отецъ реформатора, былъ первымъ, который, благодаря своимъ дарованіямъ и усиліямъ, достигъ почетнаго мѣста. Онъ былъ епископскимъ секретаремъ, фискальнымъ прокуроромъ нойонскаго округа и членомъ соборнаго капитула. Свое видное положеніе Жераръ Ковенъ еще болѣе упрочилъ чрезъ бракъ съ Жанною LeFranc, принадлежавшей къ извѣстной городской фамиліи Нойона.—Іоаннъ Кальвинъ, будущій реформаторъ, былъ по возрасту вторымъ сыномъ Жерара (Карлъ, Іоаннъ, Антонъ и двѣ дочери); о воспитаніи его въ родной семьѣ сохранилось очень мало извѣстій: „мы очень мало знаемъ“, справедливо замѣчаетъ А. Лангъ „о томъ духѣ, который царилъ въ родительскомъ домѣ Кальвина“²⁾. Можно думать, что первоначальное воспитаніе І. Кальвина велось въ семьѣ въ строго религіозномъ направленіи; по крайней мѣрѣ Кальвинъ впоследствии оставилъ намъ воспоминаніе о своей матери, какъ заботившейся о внѣдреніи въ немъ благоговѣйнаго уваженія къ священнымъ реликвіямъ (трактатъ Кальвина о реликвіяхъ). Отецъ не имѣлъ достаточно времени для того, чтобы самому воспитывать дѣтей, почему послѣ смерти своей жены отдаетъ будущаго реформатора на воспитаніе въ дружественную ему, благородную семью Момморъ, гдѣ Кальвинъ нашелъ для себя сверстни-

1) Такова первоначальная фамилія, „Кальвинъ“ же—позднѣйшая латинизированная форма отъ Calvinus.

2) А. Lang. Op. cit. S. 9.

ковъ. Какъ шло здѣсь обученіе и воспитаніе—объ этомъ свѣдѣній не сохранилось, но хорошо извѣстно то, что Кальвинъ въ послѣдствіи питалъ самыя лучшія чувства къ семьѣ Момморъ, относя къ этому періоду сознательное пробужденіе интереса къ изученію наукъ и пониманію жизни¹⁾. Многие изъ біографовъ Кальвина усматриваютъ въ позднѣйшихъ чертахъ его характера—сдержанности и тактичности, а также его симпатіи къ „аристократическому“ строю церкви и государства—вліяніе этой благородно-аристократической семьи Момморъ. Ко времени прибыванія Кальвина въ семьѣ Момморъ относится предназначеніе его со стороны отца къ духовному званію, и Жераръ Ковенъ, прежде чѣмъ еще исполнилось его сыну 12 лѣтъ, благодаря своимъ связямъ въ духовномъ мірѣ, выхлопатываетъ ему пребенду. Данное обстоятельство въ тотъ періодъ времени было далеко не рѣдкостью. Чѣмъ мотивировалъ Жераръ Ковенъ избраніе сыну именно такой карьеры, сказать опредѣленно трудно, но кажется будетъ вѣроятнымъ предполагать, что онъ хотѣлъ доставить сыну сравнительно выгодную дорогу, какъ въ отношеніи почета, такъ и матеріальнаго обезпеченія, тѣмъ болѣе что всѣ предки ихъ были простые рабочіе. Основаніе къ такому предположенію даютъ мотивы, высказанные ясно отцомъ Кальвина при указаніи ему въ послѣдствіи юридическаго образованія. Могло Жерара въ данномъ случаѣ прельщать и полученіе анансомъ средствъ (пребенды), необходимыхъ для образованія Кальвина. Какъ бы то ни было, но, по предварительной подготовкѣ домашними учителями, 14-лѣтній Кальвинъ отправляется въ знаменитый въ то время своею наукою Парижъ. Здѣсь Кальвинъ поступилъ въ коллегію Марше. Особенное впечатлѣніе произвелъ на Кальвина одинъ изъ учителей коллегіи Матуринъ Кордье,

1) Kampschulte. В. I. S. 222.

приверженець гуманизма, владѣвшій методомъ хорошаго преподаванія латинскаго языка и добрымъ сердцемъ.

Основательное знаніе латинскаго языка, по мнѣнію Кордье, необходимо для ознакомленія съ сокровищами классической мудрости, при чемъ это знаніе должно гармонически объединяться съ христіанскою настроенностью и дѣятельностью. Насколько имѣлъ значеніе Кордье для Кальвина—это открывается изъ свидѣтельства самого реформатора, посвятившаго впоследствии въ предисловіи къ одному изъ своихъ комментаріевъ (къ 1 послан. къ Фесалоникійцамъ) нѣсколько строкъ горячей благодарности своему учителю за преподаваніе, открывшее ему свободный путь къ дальнѣйшей образованности; Кальвинъ склоненъ видѣть въ Кордье учителя, дарованнаго ему Богомъ и признавать въ немъ виновника своихъ литературныхъ работъ въ ихъ положительной сторонѣ¹⁾. Въ коллегіи Марше Кальвинъ отличался строгимъ прилежаніемъ, любознательностью и обнаружилъ довольно скоро свои незаурядныя дарованія превосходнымъ усвоеніемъ латинской грамматики, поставившцмъ его въ этомъ отношеніи выше всѣхъ товарищей²⁾.

Данное обстоятельство дало поводъ перейти Кальвину въ другую коллегію Монтегю, кругъ наукъ которой былъ значительно шире по сравненію съ коллегіей Марше³⁾. Отличительными чертами коллегіи Монтегю были схоластическій методъ, господствовавшій въ преподаваніи, и строгая дисциплина, царившая въ воспитаніи. Кальвинъ здѣсь штудировалъ схоластическую философію, математику и принималъ участіе на ряду съ другими въ диспутахъ. Теорети-

1) Bossert. S. 16. Walker p. 34—35.

2) Paulsen. S. 12.

3) Нѣсколько позднее Кальвина въ коллегію Монтегю поступилъ извѣстный Игнатій Лойола.

ческія занятія переплетались съ религіозными упражненіями, все это продолжалось съ небольшими перерывами съ 5 часовъ утра и до 8 вечера ¹⁾. Можно думать, что изъ этой коллегіи Кальвинъ вынесъ искусство диспутировать и дисциплинированность мысли и воли.

Въ 1527 году 18-лѣтній Кальвинъ закончилъ свое классическое образованіе и уже готовился поступить въ Сорбонну на факультетъ богословскій (*sacratissima*); это желаніе раздѣлялъ по прежнему и его отецъ, выхлопотавшій ему предъ этимъ незадолго вторую пребенду. Однако настроеніе отца неожиданно поколебалось въ силу конфликта, происшедшаго между нойонскимъ духовенствомъ и Жераромъ; послѣдній рѣшилъ направить сына на юридическую дорогу, такъ какъ теперь, по мнѣнію Жерара, всякій, „кто хочетъ быть богатымъ и могущественнымъ“, долженъ избрать именно юридическое поприще ²⁾.

Неизвѣстно, какъ отнесся Кальвинъ къ подобному рѣшенію отца въ глубинѣ своей души, однако, изъ за послушанія отцу, какъ самъ объ этомъ свидѣтельствовалъ впоследствии, рѣшился вмѣсто Сорбонны отправиться въ Орлеанъ, гдѣ тогда наука права стояла довольно высоко. Юридическій факультетъ Орлеанскаго университета въ то время насчитывалъ восемь профессоровъ, изъ нихъ пять читали каноническое, а три гражданское право; во главѣ ихъ стоялъ выдающійся по своей эрудиціи Петръ Этуаль, одинъ изъ послѣднихъ представителей юридической схоластики. Лекціи излагалъ онъ аналитическимъ методомъ, расчленя комментируемый текстъ до послѣдней возможности, отсюда чтенія его носили на себѣ печать раздѣльности и ясности, По сосѣдству съ Орлеанскимъ находился Буржскій универ-

¹⁾ Bossert. S. 18.

²⁾ Walker p. 45. Paulsen, S. 12.

ситетъ, такъ же славившійся юридическими науками, слѣдствіемъ чего были довольно частые случаи перехода студентовъ одного университета въ другой. Вотъ почему мы видимъ и Кальвина, по истеченіи годичнаго пребыванія въ Орлеанѣ, слушателемъ буржескаго университета (1529 г.).

Въ Буржѣ выступалъ тогда очень видный ученый Андрей Альціати, гуманистъ и защитникъ историческаго метода въ юридической наукѣ. Кальвинъ, какъ и большинство его соотаварищей, не раздѣлялъ воззрѣній своего учителя и былъ послѣдователемъ Этуалья. Болѣе сильное и положительное вліяніе на Кальвина въ Буржѣ оказалъ ученый профессоръ Мельхіоръ Вольмаръ, преподававшій греческій языкъ. Подобно Матурину Кордье, Вольмаръ былъ защитникомъ объединенія теоріи и практики, науки и жизни. Помимо усовершенія въ греческомъ языкѣ Кальвинъ, по замѣчанію Bossert'a, былъ обязанъ Вольмару, болѣе существеннымъ—личнымъ, сердечнымъ вліяніемъ, которымъ душа учителя соприкасалась съ душою ученика ¹⁾).

Насколько Кальвинъ вошелъ во вкусъ юридическихъ наукъ—свидѣтельствомъ тому служатъ его выдающееся усердіе и блестящіе успѣхи. Кальвинъ работалъ далеко за полночь, вставалъ довольно рано, и, оставаясь въ постели, любилъ повторять все то, что училъ и читалъ наканунѣ.

Безспорно, въ такомъ образѣ жизни сказывалась строгая методичность Кальвина и преобладаніе въ немъ духовныхъ стремленій. Выдающіеся успѣхи Кальвина были безспорны и профессора видѣли въ немъ такого даровитаго студента, которому поручали въ крайнихъ случаяхъ „вмѣсто себя читать лекціи“ ²⁾).

¹⁾ Bossert. S. 28.

²⁾ Paulsens. S. 13.

Однако представлять Кальвина въ этотъ періодъ жизни исключительно погруженнымъ въ науку и самозамкнутымъ въ себѣ, какъ это дѣлали прежніе біографы Кальвина не возможно. Въ настоящее время, благодаря значительно подвинувшейся впередъ разработкѣ матеріала, изслѣдователи считаютъ несомнѣннымъ высокій подъемъ интимной жизни у Кальвина, являвшейся достояніемъ тѣснаго дружескаго кружка. Въ воспоминаніяхъ, письмахъ, предисловіяхъ нерѣдко выплываютъ имена, дорогія сердцу Кальвина, съ которыми онъ имѣлъ много общаго ¹⁾, таковы, напр., *Nikolas Duchemin, Framberg, Franz Coppem* и *Franz Daniel*. О послѣднемъ Кальвинъ вспоминалъ съ особенной теплотою. Данный фактъ ясно говоритъ за то, что „студентъ Орлеана и Буржа не былъ одинокою и мрачною личностью... это одна изъ легендъ о Кальвинѣ,, которая, какъ и многія другія, безспорно должна быть рѣшительно оставлена“ ²⁾.

Не будетъ невѣроятнымъ предполагать, что Кальвинъ помимо непосредственнаго отношенія къ наукѣ и тѣсному кругу близкихъ товарищей, имѣлъ касательство къ тѣмъ культурно-духовнымъ движеніямъ, которыми тогда жила Франція и которыя, въ частности, были особенно близки Орлеану и Буржу.

Трудно думать, чтобы сознательный, полный духовныхъ силъ юноша стоялъ совершенно внѣ интереса къ атмосферѣ современныхъ ему теченій. Эпоха 20-хъ и 30-хъ годовъ XVI столѣтія была временемъ довольно сильнаго развитія гуманизма, начала котораго въ частыхъ случаяхъ примыкали къ основамъ религіозной реформаціи. Исторія сохранила намъ имена Лефевра (*Le Févre*), личности съ сильнымъ наклономъ въ сторону именно библейскаго гуманизма, высказавшей еще до Лютера много мыслей, счи-

1) Bossert. S. 25.

2) Ibid.

тающихся достояніемъ нѣмецкаго реформатора, Вильгельма Бриссона, Жерара Руссели, Фарели—евангеликовъ по своимъ воззрѣніямъ и Маргариты Ангулемской, религіозной повѣстессы въ новомъ направленіи и высокой покровительницы протестантовъ. Всѣ указанная лица были лишь представителями нарождавшагося новаго русла культурно-религіознаго движенія Франціи, выступавшаго на борьбу съ старымъ религіозно бытовымъ укладомъ, что вызывало, конечно, преслѣдованія послѣдователей новаго ученія.

Франція того времени представляла, по словамъ А. Ланга „удивительное смѣшеніе гуманистическихъ, библейскихъ, мистическихъ и даже анабаптистскихъ идей и теченій“ ¹⁾. Что касается Орлеана и Буржа, то они прямо „выдѣлялись своими симпатіями“ къ евангелическому движенію, тамъ было много нѣмцевъ, для которыхъ дѣло Лютера было роднымъ, а Орлеанъ уже въ 1528 г. былъ ареною преслѣдованія послѣдователей новаго ученія ²⁾. Характеръ отношенія Кальвина къ новому реформаціонному теченію опредѣленно неизвѣстенъ, но есть основаніе думать, что еще на студенческой скамьѣ Кальвинъ штудировалъ библію, переводомъ которой на французскій языкъ занимался его родственникъ—Оливетанъ.

Въ 1531 г., когда умираетъ отецъ Кальвина, послѣдній бросаетъ юридическое образованіе и, со степенью доктора права, отправляется въ знакомый ему Парижъ, гдѣ всецѣло отдается гуманистическимъ наукамъ; Кальвинъ склоняется къ ногамъ Даннея, Будея и Ватабля, королевскихъ лекторовъ, представителей позднѣйшей *College de France*, изучаетъ греческій и еврейскій языки. „Какъ путеводители у него стоятъ предъ глазами не Лютеръ и Цвингли, а Рейхлинъ,

¹⁾ Ibid., S. 8.

²⁾ Kampschulte I. S. 230.

Эразмъ и Лефевръ“¹⁾. Въ своихъ занятіяхъ Кальвинъ не прерываетъ сношеній и съ друзьями по Орлеану, веди съ ними довольно оживленную переписку. Результатомъ ученыхъ занятій Кальвина была его первая печатная работа: „Комментарій къ сочиненію Сенеки о милосердіи“, появившаяся въ 1532 г., когда ей автору было немного болѣе 22¹/₂ лѣтъ. Комментарій представляетъ собою полуполитическій, полуфилологическій трактатъ съ массою дробныхъ грамматическихъ экскурсовъ и литературныхъ справокъ. Комментарій отъ начала до конца строго-ученая работа; въ ней уже выступаютъ положительныя качества пера Кальвина какъ результатъ его разносторонняго образованія, это - обширная эрудиція, тщательность анализа, раздѣльность мысли и, свойственная хорошему юристу, сжатость и точность языка.

Чѣмъ вызывалось избраніе со стороны Кальвина именно такого сюжета работы („о милосердіи“), сказать рѣшительно трудно. Предполагають, что основаніями для Кальвина въ данномъ случаѣ могло быть или желаніе чрезъ раскрытіе темы милосердія побудить Франциска къ сострадательному отношенію къ послѣдователямъ новаго ученія, или фактъ нападенія на Сенеку со стороны Эразма, показавшійся Кальвину несправедливымъ и обиднымъ для стоическаго философа. Существуетъ также предположеніе, что Кальвинъ могъ просто исходить изъ желанія обратить на себя вниманіе ученыхъ гуманистовъ, почему выборъ трактата Сенеки не обусловливался какими либо другими соображеніями²⁾. Последняя догадка находитъ для себя оправданіе въ томъ фактѣ щекотливаго вниманія Кальвина къ своей ученой работѣ—въ смыслѣ ея приѣма въ ученое мѣрѣ, какой онъ обнаруживаетъ по ея появленію въ печати. Онъ отпра-

¹⁾ Kampschulte B. I, S. 235.

²⁾ G. Sodeur... S. 5.

платить 5 экземпляровъ въ Буржъ, въ Орлеанъ намѣренъ послать 100 экз., въ Парижѣ вручаетъ многимъ изъ профессоровъ свою книгу лично. Къ одному изъ своихъ друзей (Даніелю) Кальвинъ пишетъ письмо съ просьбой сообщить, какое впечатлѣніе произвела его книга. Данныя обстоятельства заставляютъ признать, что Кальвинъ въ своей первой работѣ преслѣдовалъ не какія либо стороннія идейныя цѣли, а пробу личнаго авторскаго таланта.

Ко времени выхода въ свѣтъ „Комментарія“ близко приближается важнѣйшій шагъ въ духовной жизни Кальвина—его отпаденіе отъ католической церкви и поступленіе въ ряды религиозныхъ дѣятелей новаго вѣяніи. Этотъ моментъ, носящій въ наукѣ специальное наименованіе „обращенія Кальвина“, возбуждаетъ и по настоящее время много гипотезъ, пытающихся, за неясностью данныхъ, рѣшить вопросы—подъ какими вліяніями, въ какое именно время совершалось обращеніе Кальвина, и въ какомъ фактѣ, внѣшнемъ показателѣ происшедшаго душевнаго перелома, оно выразилось впервые? Самымъ цѣннымъ источникомъ для рѣшенія указанныхъ вопросовъ являются показанія о себѣ самого Кальвина; но уже фактъ существованія въ наукѣ множества мнѣній объ обращеніи Кальвина ясно говоритъ за то, что Кальвинъ не любилъ распространяться о своемъ душевномъ переломѣ, и показанія его далеко не удовлетворяютъ любознательности изслѣдователей. Дѣйствительно, свидѣтельства Кальвина о своемъ обращеніи высказаны значительно позднѣе самого акта обращенія, когда острота пережитаго момента и мотивы, вызвавшіе его, утратили свою интенсивность, при чемъ высказаны по совершенно случайнымъ поводамъ и въ качествѣ побочныхъ мыслей. Такихъ свидѣтельствъ о себѣ у Кальвина находятся два, одно высказано имъ въ сочиненіи, направленномъ противъ кардинала Садолета, въ 1539 г., другое приведено въ предисловіи къ комментарію на псалмы, появившемся въ 1557 г. Изъ письма къ Са-

долету Кальвинъ въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ актъ своего обращенія: „я былъ воспитанъ какъ христіанинъ и всегда имѣлъ вѣру въ Тебя Господи; но я былъ наставленъ въ той вѣрѣ, которая была всеобщаю. Слово Твое было связано, и отъ обыкновенныхъ людей, учили насъ, ничего, не требуется, какъ слѣпое послушаніе Церкви... Я зналъ, что Ты единый Господь, но такъ какъ я не зналъ, какъ тебѣ благоугождать, то я отпадалъ при первыхъ шагахъ отъ Тебя. Я вѣровалъ, что спасенъ смертію Твоего Сына отъ вѣчнаго осужденія, но я думалъ о томъ искупленіи, сила котораго небыла во мнѣ дѣйственной; я чаялъ дня будущаго воскресенія, но, когда я размышлялъ о немъ, то трепеталъ прежде всего величайшей грѣховности, которая угрожала мнѣ. Я думалъ найти примиреніе посредствомъ дѣлъ; жертвами и моленіями я пытался отвратить Твой гнѣвъ. Когда я все это выполнилъ, то лишь на одно мгновеніе пользовался внутреннимъ покоемъ, а въ глубинѣ своей совѣсти былъ далекъ отъ продолжительнаго умиротворенія. Когда же затѣмъ я къ Тебѣ внутренно обращался или желалъ устремить къ Тебѣ свои мысли, меня снова охватывалъ невыразимый ужасъ, который не могла уже болѣе утишить никакая жертва, никакое долѣющее дѣло. И чѣмъ яснѣе выступало предъ моими глазами мое состояніе, тѣмъ болѣе пронзали мою совѣсть острия жала, такъ что для меня не оставалось больше никакого успокаивающаго средства, какъ грѣховный обманъ само-забвенія... (Paulsen. S. 16).

Указывая на то, что его удерживала долго въ прежнемъ положеніи боязнь преслушанія церкви (*ecclesiae reverentia*), Кальвинъ продолжаетъ: „какъ бы чрезъ внезапный лучъ свѣта я узналъ теперь, такъ какъ духъ мой уже былъ подготовленъ серьезнымъ испытаніемъ, въ какой находился пучинѣ заблужденій, въ какомъ глубокомъ болотѣ. Тогда, о Господи, я сдѣлалъ то, что считалъ своимъ долгомъ—вступить на

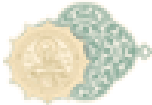
Твой путь, проклявши (erschroehen) и осудивши со слезами мою прежнюю жизнь ¹⁾.

Въ предисловіи къ комментарію псалмовъ Кальвинъ, сравнивая свою жизнь съ жизнію псалмопѣвца Давида, находитъ въ томъ и другомъ случаѣ одинаковый образъ дѣйствій высочайшаго Промысла. Какъ угодно было Богу возвеличить Давида изъ простаго званія на высоту царскаго трона, такъ угодно было Высочайшей волѣ и ему, Кальвину, указать иной путь и сдѣлать его орудіемъ своихъ плановъ. Кальвинъ замѣчаетъ, что его, погрязшаго въ тину пороковъ и заблужденій папства, Провидѣніе измѣнило и призвало „внезапнымъ обращеніемъ“. Послѣ того, какъ я получилъ вѣрное познаніе единаго благочестія, я возгорѣлся такою ревностью совершенствованія, что, хотя и не прекратилъ совсѣмъ другія занятія, но относился къ нимъ холодно. И еще не прошелъ годъ, какъ всѣ, алчущіе чистаго ученія, приходили ко мнѣ, чтобы учиться у меня, начинающаго новичка ²⁾.

Обращая вниманіе на существенныя положенія въ самосвидѣтельствахъ Кальвина, имѣющія непосредственное отношеніе къ уясненію акта „обращенія“, мы центр тяжести должны сосредоточить на его признаніи о верховной Причинѣ, совершившей обращеніе, и мгновен-

¹⁾ Kamptehulte I, S. 24.

²⁾ Приводимъ въ виду важности отрывка его подлинный текстъ: „Deus tamen (въ противоположность patris voluntati) arcano providentiae suae freno cursum meum alio tandem refeexit. Ac primo quidem, Cum superstitionibus papatus magis pertinaciter addictus essem, quam ut facile etiam profundo luto me extrahi, animum meum, qui pro aetate nimis abduruerant, *subita conversione* ad docilitatem subegit. Itaque aliquo verae pietatis gustu imbutus tanto proficiendi studio exarsi, ut reliqua studia, quamvis non abicerem, frigidus tamen sectarer. Needum elapsus erat annus, cum omnes purioris doctrinae cupidi ad me novitium adhuc et tironem discendi Causa ventitabant. Calvinus. Opera Omnia, т. IV. Epistola, 2 обор.

ности этого акта. Изъ приведенныхъ отрывковъ ясно, что Кальвинъ исключаетъ всякія посредствующія причины въ своемъ душевномъ переворотѣ—въ смыслѣ, допустимъ, вліянія какихъ либо лицъ, событій, обстоятельствъ жизни, въ его сознаніи выступаетъ одна вседѣйствующая причина—воля Божія. Это объективная сторона дѣла. Если теперь присмотримъ къ субъективному моменту обращенія, то Кальвинъ, повидимому, больше склоненъ разсматривать свое обращеніе, не какъ процессъ, имѣющій болѣе или менѣе длительное состояніе, но какъ мгновенный актъ: его освѣтили „внезапный пучъ свѣта“, произошло *subita conversio*. Итакъ, обращеніе Кальвина, съ точки зрѣнія его свидѣтельства о себѣ, нужно представлять такъ—Богъ коснулся его души и совершился мгновенный переворотъ.

Такое объясненіе, конечно, не можетъ удовлетворить сторонняго наблюдателя, хотящаго видѣть на ряду съ причиною конечною—причины дѣйствующія и не могущаго разсматривать жизнь Кальвина внѣ связи съ суммой тѣхъ общественно-культурныхъ условій, въ центрѣ которыхъ совершалось его развитіе. Вотъ почему лишь немногіе изъ біографовъ стараются внушить себѣ довѣріе къ свидѣтельствамъ Кальвина (напр. Лангъ) и то, впрочемъ, не безъ частичнаго ограниченія, другіе же стараются провѣрить показанія Кальвина извѣстными фактами изъ его жизни, и при помощи послѣднихъ заглянуть въ недосказанное реформаторомъ.

Не останавливаясь подробно на всѣхъ гипотезахъ о посредствующихъ причинахъ или условіяхъ обращенія, мы укажемъ лишь наиболѣе принятый въ настоящее время въ наукѣ взглядъ по данному вопросу. Уже изъ разсмотрѣннаго очерка развитія Кальвина до 1532 г. можно видѣть, что Кальвинъ и въ школѣ и послѣ нея не разъ стоялъ въ условіяхъ, могшихъ благотворно вліять на измѣненіе его религиозныхъ воззрѣній въ смыслѣ симпатіи къ новому гуманистическому и религиозному теченію; достаточно вспомнить

кругъ друзей Кальвина по университету, и наиболѣе симпатичныхъ для него профессоровъ гуманистовъ (Кордье, Вольмара), чтобы сдѣлать предположеніе о возможности измѣненія его настроенія, въ смыслѣ внутренняго влеченія къ новымъ вѣяніямъ, а если вспомнить Роберта Оливетана, характеръ его занятій и близкое отношеніе къ Кальвину, то возможность вліянія указанныхъ лицъ на Кальвина переходить въ вѣроятность. Объ этомъ говоритъ кратко древѣйшій біографъ Кальвина Беза ¹⁾, указанное предположеніе допускаютъ и позднѣйшіе біографы Kampfschulte (1 B. S. 240 и д. Bossert (S. 13), Paulsen (S. 16 и д.) Sodeur (ss. 7—8). Отсюда само собою слѣдуетъ, что актъ обращенія необходимо понимать стоящимъ въ тѣсной связи съ условіями развитія Кальвина, не мгновеннымъ, а процессуальнымъ, болѣе или менѣе длительнымъ.

Конечно, такое пониманіе „обращенія“ налагаетъ обязанность на изслѣдователя поставить принятую гипотезу въ соотношеніе и съ свидѣтельствами Кальвина. Намъ кажется, что несмотря на видимое несогласіе высказанныхъ положеній съ показаніями Кальвина (у Кальвина одна конечная, у насъ—многія посредствующія причины, у Кальвина актъ мгновенный, у насъ—длительный) высказанное пониманіе не противорѣчитъ въ своемъ существѣ свидѣтельствамъ Кальвина. Всякому, знакомому съ міровоззрѣніемъ Кальвина, хорошо извѣстно, что у него предъ глазами прежде всего стояло всеправящее и всеволющее Провидѣніе, неудивительно поэтому, если онъ и говоритъ объ этой божественной силѣ, по сравненію съ которой конечная личность и обстоятельства не имѣютъ значенія. Воспитавши въ себѣ убѣжденіе о проявленіи въ мірѣ всегда и вездѣ лишь божественной славы Божіей, Кальвинъ и усма-

¹⁾ Opera omnia. т. I Vita, р. 1 оборотъ.

триваетъ только *ея* обнаруженіе и въ своей личной жизни, въ частности въ своемъ душевномъ переворотѣ. Въ случайныхъ же воспоминаніяхъ Кальвинъ выражаетъ благодарность своимъ учителямъ, можно думать, какъ допускаетъ Bossert, и не за одну науку ¹⁾).

Что актъ обращенія не былъ въ строгомъ смыслѣ „внезапнымъ“ доказательствомъ тому служатъ тѣ-же разсужденія самого Кальвина, которыя онъ высказалъ въ письмѣ къ Садолету: наличность подготовительной ступени къ обращенію изъ нихъ вытекаетъ несомнѣнно ²⁾). Выраженіе *subita conversio* естественнѣе понять, какъ обозначеніе *окончательнаго, рѣшительнаго, послѣдняго* момента въ душевномъ направленіи Кальвина, когда онъ пошелъ по новому пути ³⁾).

Итакъ, суммируя сказанное объ обращеніи Кальвина, необходимо придти къ заключенію, что разрывъ Кальвина съ католическою Церковью обусловливался многими, разнообразными, но тѣсно связанными въ общемъ направленіи причинами (друзья, учителя, духъ времени) и имѣлъ процессуальную длительность, пока, наконецъ, Кальвинъ рѣшительно не порвалъ связи съ прошлымъ и не вышелъ на

1) Ср. Bossert. S. 18.

2) Можетъ быть Лангъ, принимающій мысль о внезапномъ обращеніи, и потому говоритъ, что свидѣтельствомъ К., находящимся въ посланіи къ Садолету, необходимо пользоваться съ „большими ограниченіями“ (S. 208).

3) О какомъ либо *тяжеломъ, гнетущемъ* разладѣ въ душѣ Кальвина мы ничего не знаемъ; можно думать, что его отпаденіе отъ Церкви совершилось лично для него болѣе или менѣе спокойно; во всякомъ случаѣ, переживанія Кальвина не имѣли той остроты ужаснаго драматизма, который испыталъ въ своемъ разрывѣ съ церковью Лютеръ. Основанія такого несходства кроются, безспорно, въ различіи индивидуальности Кальвина и Лютера, первый былъ интеллектуалистъ-рефлектикъ, а второй восторженный мистикъ.

новую дорогу. Такое пониманіе болѣе отвѣчаетъ даннымъ, извѣстнымъ намъ изъ исторіи развитія Кальвина, чѣмъ то, которое можно извлечь изъ самосвидѣтельствъ Кальвина, взятыхъ самихъ по себѣ, внѣ отношенія къ фактамъ изъ жизни Кальвина. Принимая же во вниманіе міровоззрѣніе Кальвина, нетрудно найти точки соглашенія между тѣмъ, что намъ извѣстно изъ періода развитія Кальвина и тѣмъ, что намъ даетъ самъ Кальвинъ въ своихъ показаніяхъ о себѣ. Конечно, въ этомъ случаѣ показаніямъ Кальвина придается не собственное значеніе, но существо дѣла отъ этого только выигрываетъ. Можно поэтому привѣтствовать попытку Wernle лишить самосвидѣтельства Кальвина точнаго автобиографическаго значенія въ смыслѣ указанія на факты; это скорѣе позднѣйшія душевныя переживанія, вытекающія изъ главнаго центра религіозныхъ убѣжденій¹⁾.

При принятomъ воззрѣніи о постепенности измѣненія религіознаго настроенія Кальвина, далеко не отпадаетъ вопросъ о конечномъ, завершительномъ пунктѣ душевнаго процесса, тѣмъ болѣе, что и сами мы признали въ *subita conversio*—указаніе на рѣшительный разрывъ связей съ прошлымъ и окончательный поворотный пунктъ въ направленіи къ новому. Къ сожалѣнію, обозначить данный моментъ точною цифрою датою невозможно. Указаніе разновременности влія-

¹⁾ Анализируя очень тщательно отрывокъ изъ предисловія Кальвина къ комментарію псалмовъ, Wernle совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, приходитъ къ заключенію, что „это не историческій рефератъ“; чрезъ весь отрывокъ проходитъ „идея божественнаго Провидѣнія, которое чудеснымъ образомъ осуществляетъ свои планы, несмотря на противоборство человѣческихъ интересовъ. Эту идею Кальвинъ и желаетъ внушить читателю, послѣдній скорѣе долженъ преклониться предъ чудомъ божественнаго водительства Кальвина, чѣмъ постигнуть его разумомъ (begreifen)“. Wernle. Noch einmal die Bekehrung Calvins. Zeitschrift für Kirchengeschichte 1906. S. 85.

ний на настроение Кальвина различныхъ условій заставляютъ изслѣдователей предположительно говорить и о различныхъ датахъ окончательнаго обращенія Кальвина; такихъ датъ указываютъ много, наиболѣе встрѣчающіяся и принимаемыя— слѣдующія 1528 г., 1532 г., 1533 г., 1534 г. ¹⁾ Само собою понятно, что защитники каждой изъ названныхъ датъ указываютъ въ оправданіе ея достовѣрности извѣстныя или предположительныя или фактическія данныя. Въ защиту первой (1528) указываютъ на возможное обращеніе Кальвина подѣ влияніемъ студенческаго кружка, въ оправданіе второй (1532) ссылаются на знакомый намъ комментарий Кальвина „De clementia“, въ аргументацію третьей (1533) на такъ называемую рѣчь Копа, къ которой Кальвинъ имѣлъ близкое отношеніе и для подтвержденія четвертой (1534 г.) ссылаются на письмо Кальвина къ Буцѣру, по формѣ изложенія и содержанію чисто протестантское.

Намъ кажется, что относить обращеніе Кальвина ко времени ранѣе 1533 г. довольно трудно. Дѣло въ томъ, что дата 1528 г. совершенно лишена фактической аргументаціи и защищается исключительно лишь *предположительно* въ смыслѣ *возможности* окончательнаго измѣненія въ настроеніи Кальвина подѣ влияніемъ студенческой среды. Равнымъ образомъ и въ послѣдующее за 1528 г. время включительно по 1532 г. въ дѣятельности Кальвина мы не встрѣчаемъ ничего такого, чтобы свидѣтельствовало о рѣшительномъ душевномъ переломѣ. Комментарій De clementia, который рассматривается нѣкоторыми изслѣдователями, какъ показатель обращенія Кальвина, какъ мы уже видѣли, лишенъ въ своемъ содержаніи яснаго колорита переворота въ душѣ Кальвина. Это ученая работа истаго гуманиста. Правда, здѣсь Кальвинъ замѣтно подчеркиваетъ этическую пробле-

¹⁾ См. Випперъ стр. 104 и д. Walker p. 70 и д.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III 1909 г.

му, но это обстоятельство далеко еще не говорит за углубление Кальвина въ вопросы христіанской этики, въ смыслѣ ихъ жизненной личной и общественной цѣнности. Здѣсь у Кальвина цитаты изъ отцовъ церкви совершенно случайны и приводятся лишь какъ необходимый справочный филологическій матеріалъ, встрѣчаются три цитаты изъ текста св. Писанія по Вульгатѣ и, что всего характернѣе, такъ это то, что Кальвинъ два раза говоритъ „о нашей религіи“¹⁾, совсѣмъ не давая понять, что это *новая* религія. Ясно, что Кальвинъ въ это время, т. е. въ годъ выхода своей первой работы, не пережилъ окончательнаго душевнаго кризиса.

Большая вѣроятность предположенія окончательнаго обращенія Кальвина падаетъ на двѣ остальные даты или вторую половину 1533 г. или 1534 г. Въ 1533 г. Кальвинъ былъ личнымъ свидѣтелемъ въ Парижѣ особеннаго подъема борьбы между старымъ и новымъ религіознымъ міровозрѣніемъ. Новое теченіе находило для себя все больше и больше и больше приверженцевъ; Жераръ Руссель проповѣдывалъ, напр., уже больше 1000 слушателямъ; распространеніе новаго ученія встрѣчало противъ себя оппозицію, и нерѣдко съ вѣдома короля протестанты подвергались гоненіямъ и казнямъ. Кальвинъ теперь съ участіемъ смотритъ на судьбу общаго движенія. По поводу осмѣянія сорбонистами Маргариты, Кальвинъ пишетъ письмо къ Даніелю (27 окт. 1533 г.)²⁾; въ немъ онъ порицаетъ представителей католической церкви, хотя впрочемъ не одобряетъ рѣзкихъ выходокъ и послѣдователей новаго ученія³⁾.

1) Lang s. 17—18.

2) Содержаніе фарса, разыграннаго сорбонистами, см. у Петрункевича. А. М. Маргарита ангулемская и ея время. С.-Петербург. 1899 г., стр. 261.

3) Lang 20.

Однако эти осторожно высказанныя Кальвиномъ въ частномъ письмѣ симпатіи и антипатіи переходятъ чрезъ нѣсколько дней въ открытыя нападенія его противъ р.-католическаго міровоззрѣнія и пріемовъ его представителей по отношенію къ протестантамъ. Беза въ своемъ послѣднемъ изданіи жизни Кальвина (1575 г.) передаетъ такой случай: 1-го ноября 1533 г., въ праздникъ всѣхъ святыхъ, другъ Кальвина, Николай Копъ, ректоръ Парижскаго университета, долженъ былъ произнести публичную актовую рѣчь. Кальвинъ составилъ ему эту рѣчь на тему „Христіанская философія“, гдѣ говорилось о религіи¹⁾. Главныя мысли рѣчи были очень выразительны въ смыслѣ протестантскаго отгѣнка: источникъ истинной философіи въ евангеліи, развитіе ея—въ вѣрѣ, завершеніе—въ преданности грѣшной души милосердію Божию, совершающему наше спасеніе благодатию. Въ заключеніи высказывалась надежда на соединеніе всѣхъ христіанъ, назывались счастливыми тѣ, которые уже окончили религіозные споры, и ублажались тѣ, которые испытали преслѣдованіе за вѣру. Возбужденіе, произведенное этой рѣчью на слушателей, повело къ разслѣдованіямъ, результатомъ чего было бѣгство изъ Парижа Кона и Кальвина; при чемъ въ народѣ долго хранилась легенда, какъ переодѣтый Кальвинъ, принужденъ былъ искать спасенія, спустившись изъ окна въ корзинкѣ²⁾.

Конечно, если всему этому разсказу придать подлинное фактическое значеніе, то едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что означенный моментъ и является именно актомъ окончательнаго разрыва Кальвина съ прежнимъ и

1) *Sugessit eam (oratio) Calvinus, in qua purius aperitius quam antea consuesisset, de religione disserabatur. Opera omnia, T. I. Ibid.*

2) *Paulsen... s. 19.*

вступленіемъ его на новую дорогу. Обстоятельства дѣла настолько выразительны, что не нуждаются въ какихъ-либо комментаріяхъ. Однако упомянутый фактъ далеко не всеми учеными признавался за подлинный на томъ основаніи, что рассказъ о немъ внесенъ біографомъ Кальвина уже позднѣе и что найденные манускрипты рѣчи Копа и рукопись Кальвина не тождественны между собою. Мы не будемъ останавливаться на деталяхъ спора защитниковъ подлинности рѣчи въ смыслѣ ея принадлежности Кальвину и ея подложности, скажемъ только, что въ настоящее время кредитъ этой рѣчи, какъ рѣчи Кальвина, стоитъ очень высоко, и многіе изъ позднѣйшихъ ученыхъ рѣшаются смѣло защищать принадлежность ея Кальвину ¹⁾.

Исслѣдователи, отрицающіе подлинность факта составленія Кальвиномъ рѣчи, прочитанной Копомъ, или переносятъ моментъ обращенія на періодъ болѣе ранній или относятъ его къ 1534 г. Послѣдняго мнѣнія держится русскій проф. Випперъ, ссылающійся въ защиту своего воззрѣнія на письмо Кальвина Буцеру отъ 1534 г. „1534 г.“, пишетъ проф. Випперъ, „представляетъ собою эпоху рѣшительнаго перелома въ воззрѣніяхъ Кальвина. Кальвинъ самъ считалъ этотъ годъ временемъ своего настоящаго обращенія, впе-
заннаго, какъ онъ потомъ представлялъ. Письмо къ Буцеру обнаруживаетъ въ немъ совершенно новую, небывалую еще ревность къ протестантскому дѣлу. Оно начинается, въ отличіе отъ предшествующихъ, съ обычнаго въ протестантскихъ кругахъ евангельскаго привѣтствія. Нойонскіе протестанты названы въ немъ братьями. Положеніе сторонниковъ новаго ученія кажется Кальвину невыносимымъ. Очевидно, онъ уже далеко ушелъ отъ умѣренныхъ мечтаній Лефевра, Русселя и Маргариты Наваррской ²⁾. Основатель-

¹⁾ Lang. S. 26. Болѣе подробно Anm. 36. S. 205. Paulsen. S. 19. Heidenmüller. S. 16. Bossert S. 29. Dyner Wyss. Nachtrag. S. 7.

²⁾ Випперъ 113

ность соображеній, заимствованныхъ изъ письма Кальвина къ Вуцеру, приводимыхъ Випперомъ въ подтвержденіе обращенія Кальвина именно въ 1534 г., терлетъ свою силу именно потому, что самое письмо, на которое ссылается названный изслѣдователь, неизвѣстно съ точностью, къ какому времени относится. Отнесеніе его къ 1534 г. есть уже предрѣшеніе вопроса въ смыслѣ приуроченія къ данному моменту года обращенія Кальвина ¹⁾.

На основаніи указанныхъ соображеній можно лишь и теперь сказать то, что писалъ недавно Валькеръ, именно, что рѣшеніе вопроса о религиозномъ развитіи и обращеніи Кальвина встрѣчаетъ очень большія затрудненія ²⁾.

Съ большей степенью вѣроятности, кажется, можно приурочивать окончательное обращеніе Кальвина къ періоду времени 1533—34 г.г.; указать же точно дату обращенія пока невозможно ³⁾.

В. Поповъ.

1) Самъ Випперъ въ примѣчаніи на стр. 112 указываетъ на то, что страсбургскіе издатели относятъ это письмо къ 1532 г.

2) Walker p. 70.

3) Желających болѣе подробно познакомиться съ мнѣніями ученыхъ касательно обращенія Кальвина мы отсылаемъ къ книгѣ Walker, излагающей краткую сущность этихъ воззрѣній въ хронологическомъ порядкѣ ихъ развитія (The Religious Development) (p. 70—105).